

Зинаида ГИППИУС

«ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ»

(ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ)

...Вернувшись поздно — мы узнали, что был у нас из Тифлиса приехавший, второй мамин брат, Александр. Он уже давно жил в Тифлисе — был тоже адвокат и даже издавал газету «Юридический Вестник». Вот этот приезд и решил нашу судьбу — мою в особенности.

Переезд нашей семьи на Кавказ разрешал много затруднений и вопросов. Во-первых — вопрос материальный. Дядя был почти богат, он брал к себе бабушку (свою мать) и тетку (сестру). Жена его с детьми вернулась из Швейцарии и лето мы должны были провести все вместе, в горном Боржоме, — и тут разрешался и вопрос о климате, — о моем здоровье, которое должно было укрепиться. Мои новые кузен и кузина (я их видела только в самом раннем детстве) писали мне восторженные письма о Боржоме.

И в конце мая мы сели на пароход, отходящий в Батум. В том же составе ехали, как из Москвы. Был, впрочем, и лишний пассажир: бабушкина черная кошка.

Лето в Боржоме с дядиной семьей... Это была, и вправду, новая жизнь. После Москвы, после скучной крымской дачи — музыка, танцы, верховая езда... Для шестнадцатилетней провинциальной барышни — нелзя лучшего и желать. С кузеном Васей, гимназистом, одних лет со мной (будущий думский депутат) мы сразу крепко подружились. Да и природа Боржома — обворожила меня.

Осенью мы переехали в Тифлис, в собственную квартиру. И зимой не было скучно. Мы все, младшие, надеялись, что весной вернемся в Боржом. Но у дяди Александра был странный характер: он был немножко самодур и деспот. Почему-то он решил, что довольно Боржома, надо попробовать и другое место, — например, Манглис. Никто там не был, хорошего о нем слышно не было тоже, но — жена дяди поехала и наняла дачи там.

Добра из этого не вышло. Не буду вспоминать ни этого неприятного места, ни трагического лета. Дядя Александр, приехав на дачу позднее всех, особенно угрюмый (но уже больной) — через две недели там и умер, от воспаления мозга.

Опять новая жизнь? Почти. Для моей матери, т. е. и для нас, она осложнялась большими заботами. Бабушку и незамужнюю тетку, после смерти дяди, их брата и сына, моя мать снова должна была взять к себе. «Богатство» дяди Александра оказалось доходами с

его работы, семье своей он не оставил почти ничего, и жена не могла же брать на себя содержание мужниных родных. После смерти дяди они переехали в маленькую квартиру, англичанка кузины Сони была отпущена, девочку намеревалась мать отдать просто в гимназию.

Мы тоже переменили квартиру. Зимой провели тихо, — смерть, как всегда, перевернула во мне, в душе, что-то очень серьезно. Я много читала, — увы, без всякого руководства, а что придется, что можно было достать. Пристрастилась, конечно, к стихам. А тут как раз, началась «надсониада», если можно так выразиться. Только что умерший Надсон проник со своей «славой» и в провинцию. Тифлисские гимназисты, приятели кузена Васи, нас окружавшие, все записали стихи, особенно потому что и я их в то время писала не так мало, — довольно скверные, конечно. Но я отмечу странный случай. Мне попался петербургский журнал, старый, прошлогодний, — «Живописное Обозрение». Там среди дифирамбов Надсону, упоминалось о другом молодом поэте и друге Надсона — Мережковском. Приводилось даже какое-то его стихотворение, которое мне не понравилось. Но неизвестно почему — имя запомнилось, и как... — об этом ниже.

К весне (1888 г.) мы, по молодости лет, оправившись от Манглисского кошмара и беззаботно стали мечтать о... нашем Боржоме. Было бы бесцельно нашим матерям, моей кузине, убеждать нас, что время другое, что денег для Боржома теперь нет... Мы бы не поверили, — до и почему в Боржоме жить дороже, чем в Тифлисе. А дачки можно нанять маленькие, дешевенькие...

Так оно и вышло. Две маленькие дачки, обе на горе, но не близко одна от другой, были наняты, и в конце июня (раньше в горные места, от дождей, переезжать нельзя) мы все очутились, наконец, в нашем Боржоме.

Мать Д. С. Мережковского эти последние годы болела печенью и Сергей Иванович увозил ее в Vichy. Так было и в этот год, когда Дм. Серг. сдал кандидатскую диссертацию; и только что издал первую книжку стихов. Ему было 23 года. Но и до этого лета, мать, уезжая в Vichy, приберегала какую-то сумму для своего «Мити», чтоб он мог поехать, куда хочет: знала его любовь к путешествиям. Он уже ездил по России, был у Глеба Успенского, и у знаменитого тогда (не знаю чем) крестьянина Сютеева. А еще раньше был ненадолго в Париже с семьей музыканта Давыдова.

В год нашей встречи (1888) он начал путешествие с поэтом Минским, но потом они расстались, когда Д. С. спустился по Военно-Грузинской дороге в Закавказье и случайно (кто-то в

дороге же ему посоветовал) — попал в Боржом.

Встретил его Боржом не приветливо: это было в мае — и шел непрерывно дождь. Серое небо, сырость, а гостиницы в тогдашнем Боржоме были ужасные. Да Д. С. еще и не попал в лучшую, «Кавалерскую», а в какой-то просыревший барак. Он хотел уже уезжать. Пошел на почту, спросить, нет ли писем из Vichy, от матери, да и лошадей до станции Михайлово там же заказать можно было. Начальником почтовой конторы был хороший наш, по первому пребыванию в Боржоме, знакомец — молодой латыш Якобсон. Весь год, после боржомского знакомства, я была с ним в деятельной переписке. Стихотворная и вообще литературная зараза нашего юного гимназического кружка очень его коснулась, он вообразил себя тоже писателем и присылал мне, вместе с красивыми тетрадками для моих Дневников, свои «произведения», смешные «стихотворения в прозе». Надо признаться, что мы над ним много насмешничали, хотя, может быть, и два главных наших поэты-гимназисты, Глокке и другой, не помню фамилии, писали не многим лучше. Белокрысы, красноносый, он говорил с акцентом, выговаривая «л» как «l», и звали его «Сила» (как Sila). В силе своей (литературной) он был уверен, и Силой мы звали его потому, что он, убеждая меня однажды выйти за него замуж, сказал «вы Sila и я sila; вместе мы горы сдвинем». Я, конечно, этими горами не убедилась; но вот к этому-то Якобсону и попал Д. С., спрашивая письма на имя Мережковского. Наш знаток литературы имя петербургского поэта знал и очень обрадовался случаю: как, уезжать? Сезон начинается, вы увидите, что такое Боржом. В гостинице вам плохо, переезжайте ко мне. У него была своя уютная и благоустроенная дачка, куда он и перетащил своего нового пленника, за которым всячески стал ухаживать. Прочел его новенькую книгу стихов, конечно. Вдохновившись Буддой, придумал довольно глупую фантазию: попросил гимназиста-поэта Глокке, тоже приехавшего в Боржом, сказать мне, что у него живет буддист из Индии, ходит в халатах и ни с кем не разговаривает. Глокке, всем и всегда покорный, все это исполнил, едва мы, в последних числах июня, водворились на нашей дачке. И вот тут-то произошла странность, которую я не могу сама объяснить: когда Глокке, со своими еще подробностями, рассказал мне про буддиста, у Якобсона, я вдруг сказала: все это вздор. Никакого нет буддиста, ни халатов, а живет у Ивана Григорьевича просто Мережковский. Глокке опешил: кто вам сказал? Но мне никто ничего не сказал и, после «Живописного Обозрения», я нигде не видела, не слышала имени Мережков-

ского, да никогда о нем и не думала.

Видя, что тайна раскрыта (или угадана), Глокке мне все рассказал, что знал, прибавив: «Да, Мережковский, я книгу читал, и с ним познакомился. Но он не танцует и верхом не ездит». Последнее замечание еще ослабило мой интерес к поэту (единственное стихотворение в Жив. Об. мне тогда не понравилось). «Но Иван Григорьевич хочет все-таки его с вами познакомиться», — продолжал Глокке, — вот, в ротонде, в воскресенье. Вы будете?».

Еще бы! Как пропустить танцевальный вечер?

К залу боржомской ротонды примыкала длинная галерея, увитая диким виноградом, с источником вод посередине. По этой галерее гуляют, во время танцевальных вечеров, или сидят в ней, не танцующие, да и танцующие — в антрактах. Там, проходя мимо с кем-то из моих кавалеров, я увидела мою мать, и рядом с ней — худенького молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой. Он что-то живо говорил маме, она улыбалась. Я поняла, что это Мережковский. Глокке уже приносил мне его книгу и уже говорил о нем с восторгом (которого я почему-то не разделяла и не хотела, главное, разделить). Я была уверена (это так и оказалось), что и Глокке, и Якобсон, уже говорили обо мне Мережковскому (о нашей «поэтессе», как тогда меня называли), и м. б., тоже с восторгом, Глокке даже м. б., читал ему мои стихи; думала также, что Мережковский их восторгом, как я о нем, не разделял. Не последнее, а все это вообще мне было неприятно. Потому, должно быть, когда в зале ротонды, после какой-то кадрили, меня Глокке с М. познакомил, я встретила его довольно сухо, и мы с первого же раза стали... ну, не ссориться, а что-то вроде. Мне стихи его казались гораздо хуже надсоновских, что я ему не преминула высказать. Маме, напротив, Мережковский понравился, и сам он, и его говор (он слегка грассировал).

Однако, после первой встречи, мы стали встречаться ежедневно, и в парке, на музыке, и у Якобсона, куда он нас с мамой часто зазывал. Но почти всегда разговор наш выливался в спор. Моему кузену Васе, совсем не поэту, Мережковский тоже понравился; не потому, что писал стихи, а потому, что читал Спенсера.

В нашу компанию вошел новый элемент чего-то более все-таки взрослого. Ведь 23-летний Мережковский был, однако, старше всех нас. Да и чувствовалось, что он из другого совсем мира, не того, к какому принадлежало и большинство наших «взрослых», — старых. В Боржоме бывала куча всякого сброда во время сезона. Их Мережковский называл «архаровцами» (пошляками) и старался быть от них подальше. Он много гулял один (погода стояла божественная) и я уже знала, что он сочиняет теперь длинную поэму из испанской жизни под названием «Сильвио».

Почтарь Якобсон был, в конце концов, даже рад, что мы с Мережковским не очень дружны, все будто ссоримся: он стал рассказывать, что Мережковский влюблен в одну тамошнюю барышню, Соню Кайтмазову,

которая всегда гуляла одна, с книжкой, не бывала на вечерах, даже на музыке. Эта барышня, очень, действительно, скромная и милая, кажется, была чеченка. Ее темная коса была так длинна, что касалась подола платья — тоже длинного, по тогдашней моде. Мережковский не отрицал, что она прелестна, что они встречаются... Но, как потом он мне рассказывал, она раздражала его живой характер своим тупым молчанием: точно ничего не понимала, о чем с ней говорят.

В это же время в Боржом приехал один недавний наш знакомец, какой-то дальний родственник моего отца, А. И. Гиппиус. Приходился он мне дядей, но таким дальним, что в шутку он звал меня «тетушкой» и, между прочим, имел намерение на мне жениться. Он был ко мне очень мил, но его намерение меня не трогало: он мне казался «старым» — больше 30 лет! И хотя он мне подарил все сочинения Надсона — чувствовалось, что мы с ним не пара, любой гимназист был мне как-то веселее.

Он, впрочем, надеялся, что молодая живость моя скоро уgomонится. Гимназисты ему были, конечно, не соперники. Но познакомившись с Мережковским, он раз сказал мне: «Вы видите, тетушка, какие есть блестящие молодые люди в Петербурге. Я там их встречал. Но хоть и легко, не следует этим блеском увлекаться».

Я, впрочем, и не была, или не считала себя увлеченной. Мы с Мережковским продолжали полусосредоточиться, хотя встречались теперь постоянно, несколько раз в день. Все мое молодое окружение было от Мережковского в восторге, — и, может быть, это меня немножко раздражало. Особенно рассердилась я, когда кузен Вася сказал, что Мережковский считает меня необразованной, что это жаль, и что он советует мне почитать Спенсера. Хороший ли был совет — другое дело; а что я была действительно редкий неуч — тут какой же спор, я это и сама знала, потому и рассердилась на всех троих: на Васю, на Мережковского и на Спенсера.

В эти дни устраивались часто дальние поездки целой компанией. Устраивал их чаще А. И. Гиппиус, с помощью почтара Якобсона, который сам в них не участвовал. Мережковский всегда приглашался мною, но вдруг начинал капризничать: говорил, что ему скучно с «архаровцами», что все это пошлость и т. д. Я сердилась и уходила из парка. А потом, в последнюю минуту, Д. С. являлся без капризов и мы ехали в двух или трех экипажах — раз в Абастуман, горное место, на два дня, в другой раз — на «Ацхурские Огни» — таинственное место, где ночью горел неизвестный огонь, видный лишь с нижней дороги. Мы туда ночью ходили исследовать, где горит огонь. Ничего, конечно, не нашли, вернулись к лошадям, и в Боржом приехали только утром.

Во время таких поездок и вообще среди нас Д. С. был центром. Но отнюдь не был он тем, кого называют «душой общества». Никого он не «занимал», не «развле-

(Окончание на 13-й стр.).

254

«ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ»

ОКОНЧАНИЕ

кал»: он просто говорил весело, живо, интересно — об интересном. Это останавливало даже тех, кто ничем интересным не интересовался. Но понятно, что все мои гимназисты, которых я, признаться, и раньше, от них того не скрывая, считала дураками, — тут уж совсем поглупели — даже в своих, кажется, глазах. Один мой кузен Вася, хоть и не поэт, не терял апломба перед Мережковским, но ведь Вася читал Спенсера.

Пока происходило это завоевание Боржома, почтарь Яacobсон, наша Sila, стал, напротив, как-то косо поглядывать на Мережковского. Они давно уже не жили вместе. Д. С. переехал в открывшуюся с сезоном Кавалерскую гостиницу. Может быть, Яacobсон заметил, что мои споры с Д. С. не мешают нашему сближению, а может быть, взревновал его к своему литературному «имени» или званию, потому что принялся устраивать у себя свои литературные вечера со своими поэтами в черкесках, над которыми и гимназисты справедливо издевались. Не понравилось Яacobсону и первое, шутовское, стихотворение, которое мне написал Мережковский. (Я его помню, но не стоит его здесь выписывать). Каждый день, в парке, Яacobсон мне повторял, что М. скоро уезжает. Однако он же в одно прекрасное утро объявил мне торжественно и — мне показалось — злобно: «Он остается».

С самим М. мы о его отъ-

езде или неотъезде не говорили, хотя видались теперь в парке всякое утро — и наедине. Он спрашивал накануне, в котором часу я приду, просил притти пораньше. Я однажды сказала, что совершенно просто: «А если я просплю?». И вдруг удивилась его неожиданной обиде. Я была избалована, однако почему-то мысль, что Мережковский серьезно ухаживает за мной, что я ему серьезно нравлюсь, мне пришла тогда впервые. Если он... а что же я? Так вдруг я еще не умела себе ответить. Я только полюбила наши утренние прогулки в глубь ущелья, наши почти уже мирные, всегда интересные разговоры... Любопытно, что у меня была минута испуга, я хотела эти свидания прекратить, и пусть он лучше уезжает. Что мне с ним делать? Он — умнее меня. Я это знаю; и все время буду знать, и помнить, и терпеть... Этой мгновенно промелькнувшей мыслью я доказала, кстати, что умней меня и не трудно быть.

Через несколько дней очень многое неожиданно выяснилось... или запуталось; во всяком случае, изменилось.

В сущности, весь период нашего первого знакомства с Мережковским был короток: несколько последних дней июня, когда мы приехали в Боржом, и первые десять дней июля, потому что 11 июля и наступила та перемена в наших отношениях, о которой сказано, и начался уже второй период.

(Продолжение следует).